

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора Измолика Владлена Семеновича на диссертацию Воробьевой Ирины Альбертовны «Суды Ленинграда: структура, основные направления деятельности, взаимоотношения с органами партии и государства (1927 – 1932 гг.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Советской истории на рубеже 1920 – 1930-х гг., в том числе на материалах Ленинграда, посвящены многие сотни работ. И, тем не менее, количество этих исследований, как мне представляется, лишь возрастает. Притом возрастает, прежде всего, за счет умения найти новые малоизученные или практически неизученные темы. Практически каждая из них добавляет в общий багаж новые знания, какие-то новые штрихи, что-то свое. Тем самым, будем надеяться, создается постепенно основа для создания по-настоящему научной истории «великого перелома», перехода от нэпа к сталинской модернизации страны, происходившего практически во всех сферах государственной и общественной жизни. Притом, что очень существенно, не только в обобщающих работах в масштабе всей страны, но и по отдельным регионам, имевшим весьма существенные различия.

Что в этом плане можно сказать о представленной диссертации? Прежде всего, отметим четкое обоснование объекта и предмета исследования, его хронологические рамки. Может показаться, что рассматривается слишком небольшой отрезок времени, но такой подход весьма ошибочен, ибо в этот короткий период происходили поистине тектонические сдвиги в большинстве сфер жизни, в том числе и в судебной системе. Особо следует сказать об актуальности темы. Заметим, что в гуманитарных исследованиях актуальность, как правило, присутствует в двух измерениях: историческом и современном. Автор абсолютно прав, что в данном исследовании историческая актуальность определяется важностью выяснения «причин и механизмов изменения судебной системы в связи с взятым руководством СССР в конце 1920-х гг. курсом на ускоренное построение социализма, в том числе, и путем ужесточения карательной политики государства», а «изучение про-

цедур реализации подобной трансформации в Ленинграде (как бывшей имперской столице, ... крупном промышленном и культурном центре) демонстрирует формы этих изменений наиболее ярко» (С. 4–6). В современном плане, как мне представляется, такая работа позволяет оценить уроки прошлого, сделать определенные выводы относительно ряда моментов в деятельности суда, в частности, его отношений с законодательной и исполнительной властью. Формулировка цели и семи задач диссертации дает возможность комплексно рассмотреть факторы, влиявшие на всю систему отношений советского суда в исследуемый период времени, его место в государственно-политической системе, рассмотреть его эволюцию на протяжении 1920-х гг. и дальнейшее развитие.

Следует отметить, что работа строится по проблемно-хронологическому принципу, что также в данном случае позволяет расположить материал в определенном порядке, подчиняя его логике исследования. Автор оговаривает, что исследованием охвачена система судов общей юрисдикции, располагавшихся в Ленинграде, а военные, транспортные суды, арбитражная комиссия не являлись предметом изучения. Пять положений, выносимых на защиту, охватывают весь комплекс диссертации. Безусловная ее новизна определяется тем, что впервые на основе совокупности новых документов комплексно изучается механизм функционирования и изменения судебных органов Ленинграда в период 1927 – 1932 гг. в связи с рассмотрением ключевых тенденций внутренней политики СССР этого времени.

Безусловно, положительно следует отметить, что в методологическую основу исследования положен принцип, базирующийся на использовании различных подходов: исторического, системного, институционального, статистического, формально-юридического, сравнительного, ретроспективного и метода персонификации, что в совокупности дает возможность более детально, как отмечает диссертант, рассмотреть различные грани деятельности судов. При этом каждому подходу дана краткая характеристика. Материал в разделах работы, в основном, расположен равномерно: Введение – 25 с., Гла-

ва I – 76 с., Глава II – 77 с., Глава III – 50 с., Заключение – 4 с. Подобным образом, в основном, обстоит дело и с параграфами внутри глав. Каждая из глав завершается выводами, в сжатой форме четко отражающими ее основное содержание.

В историографическом обзоре (С. 18–26) диссертант дает краткую характеристику работ о различных сторонах советской судебной системы, отметив, что по исследуемому периоду имеется весьма ограниченное их число. К ним относятся, пожалуй, только публикации В.А. Журавлева, в том числе совместно с Ю.А. Потаповым. Указанная Ириной Альбертовной диссертация Н.А. Чекунова (судьи Арбитражного суда С.-Петербурга и Ленинградской области) «Судебная реформа 1922 года в Петрограде – Ленинграде» не имеет прямого отношения к рассматриваемой работе. К сожалению, серьезный разбор статей профессора В.А. Журавлева отсутствует.

Характеристика источниковой базы, показывает, что исследование, которое мы обсуждаем, – результат кропотливой, тщательной, длительной работы диссертанта над избранной темой. Здесь использованы документы и материалы 177 дел, содержащихся в 26 фондах шести государственных архивов: Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборге (ЛОГАВ), Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Значительное количество архивных источников вводится в научный оборот впервые. Следует отметить, что Ирина Альбертовна дает в диссертации подробную характеристику фондов по группам, что отражено в автореферате, обосновывая их важность. На мой взгляд, очень ценно, что в заключительной части диссертации в перечне источников указаны не просто архивные фонды, а конкретные дела, использованные в работе. Таким образом,

весь комплекс архивных источников содержит большой фактический материал о повседневной деятельности судов Ленинграда и области в исследуемый период. В данном случае, значимую роль играют источники личного происхождения.

Весьма обширна библиография, приводимая автором. Еще один отличительный момент данной работы. Диссертанты, как правило, приводят список газет и журналов, которые они просматривали в ходе подготовки работы. Здесь же Ирина Альбертовна указывает конкретные статьи, нашедшие отражение в ее исследовании. В целом же, корпус источников, на наш взгляд, достаточно репрезентативен.

Анализируя содержание глав диссертации, постараемся обращать основное внимание на те ее моменты, которые в силу объективных причин недостаточно представлены в автореферате. Первая глава «Организационно-правовые основы деятельности судов Ленинграда 1927 – 1932 гг.» включает два параграфа: «Структура судов Ленинграда 1927 – 1932 гг.» и «Кадровый состав суда». В первом из них диссертант подробнейшим образом рассказывает о составе Ленинградского губернского суда, включавшего секретную часть, через которую проходила вся корреспонденция, не подлежавшая разглашению; криминологический кабинет; Особые камеры нарсуда по жилищным делам, по делам о самогоноварении и шинкарстве, по налоговым делам и Дежурную камеру; нотариальное отделение, а также коллегия защитников. В состав судебных органов до апреля 1928 г. было включено предварительное следствие с соответствующим штатом следователей. В административно-хозяйственном отношении следователи были подчинены суду, а оперативное руководство работой следователей по конкретным делам осуществляла прокуратура. При этом следователь в случае несогласия с решением прокурора мог обжаловать позицию прокурора в суде, который и разрешал окончательно спорный вопрос.

В работе показано, что начавшийся переход от эволюционного развития «к наступлению на всех фронтах» вел к организационной ломке, в том

числе в судебной системе. Это отражало желание руководства страны взять под жесткий контроль судебный аппарат в целях решения изменявшихся политических и экономических задач. В частности, диссертант считает, что передача следствия Прокуратуре, «не могло не привести к «усилению» прокуратуры и «ослаблению» позиций суда» и по данному вопросу «судьями Ленинграда было публично выражено самостоятельное, крайне негативное мнение» (С. 60–61).

Во втором параграфе, анализируя кадровый состав судебного аппарата по ряду параметров, Ирина Альбертовна особо отмечает социальное происхождение («преимущественно из рабочих и крестьян»), наличие опыта в карательной сфере, надежность с точки зрения приверженности коммунистической идеологии, готовность к реализации классового подхода. Проявлением проводимой «ломки» стала кампания «выдвиженцев». Следует подчеркнуть, что это опять же относилось практически ко всем сферам общественной жизни. Целью являлось «увеличение рабочей прослойки и укрепления «классовой линии». А «партийная ответственность и рабочий энтузиазм считались гарантией того, что выдвиженцы справятся» с любым порученным им делом, в том числе в данном случае с судебной работой (С. 81–82). Для подтверждения выдвинутых тезисов диссертант выявила данные двухсот двадцати судей Ленинграда. Одновременно шел процесс вытеснения сотрудников аппарата, имевших «чуждое» происхождение (дворянское и «из духовного звания»). К решению общецивилизационных задач можно отнести требования об увеличении представительства женщин в судебном аппарате. Но опять же встает вопрос об их образовательном уровне. В списке на 220 судей присутствуют 45 женщин. У 10 из них нет данных об образовании. Из 35 человек 26 (75 %) с рабочими профессиями стали судьями, имея низшее образование. И только одна имела высшее образование. Нужно ли было таким образом решать эту действительно важную задачу? Правда, образовательный уровень судей-мужчин был не намного лучше. Руководство губернского суда, стремясь несколько смягчить эту проблему, создало трехмесячные, пятимесячные и де-

сятимесячные курсы без отрыва от работы. Зато среди судебных работников города (как судей, так и технического персонала) имелось 91,3 % коммунистов. При этом все судьи, за исключением одного (члена Ленинградского окружного суда Цируля И.П.) были членами партии. В недалеком будущем 23 судьи сами стали жертвами политических репрессий.

Глава 2 «Функционирование судов Ленинграда 1927 – 1932 гг.» содержит три параграфа: «Общая характеристика судебной деятельности», «“Кампанейские” дела в практике судов» и «Внепроцессуальные формы деятельности». Она позволяет, если так можно выразиться, заглянуть за кулисы, в «кухню» суда, увидеть повседневную работу судебного аппарата. Поскольку с июня 1927 г. и в последующие месяцы в ведение народных судов были переданы дела по ряду пунктов знаменитой 58-ой статьи УК и некоторым видам должностных преступлений, то, как отмечает диссертант, «суд становился важнейшим рычагом партийной борьбы за укрепление государственного аппарата» (С. 111). Но условия работы судей были крайне тяжелыми, нормы месячной нагрузки дел не соблюдались, образовывались т.н. «залежи», в течение исследуемого периода положения УК РСФСР изменялись сорок восемь раз. При вынесении приговора, в том числе в гражданских делах, судам предписывалось учитывать классовую принадлежность осужденного. При этом прекращение дел и вынесение оправдательных приговоров считалось показателями «брака» в судебной работе (более 10 % оправданных лиц считалось превышением нормы), но на деле % таких решений оставался высоким. Это, на наш взгляд, говорило, помимо прочего, и об определенной самостоятельности судей.

Суд в этот период должен был участвовать своими средствами в борьбе за снижение розничных цен, в коллективизация сельского хозяйства, хлебозаготовках и лесозаготовках, в посевной и уборочной кампаниях, мясозаготовках, в сборе сельхозналога, за выполнение промфинплана и т.д. В целом, как подчеркивает исследовательница, «судебные органы были призваны преодолевать и исправлять недостатки народного хозяйства» (С. 160). При этом

суд приспособлял уже имевшиеся нормы права под изменившиеся задачи. По Постановлению от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической собственности» радикально изменило судебную практику, требуя в целом усиления репрессий. Надо отдать должное многим судьям, которые пытались при назначении наказания в случае малозначительности преступления смягчать приговор, и на совещании в ноябре 1932 г. говорили, что «закон недостаточно ясен» (С. 167).

Третья глава «Взаимоотношения с органами партии и государства» включает два параграфа: «Взаимоотношения с партийными органами» и «Аспекты взаимоотношений с государственными органами».

Относительно первого параграфа следует подчеркнуть, что в политической системе советского общества, постепенного перехода уже в годы Гражданской войны к модели «Партия-государство», суд, как и другие советские, хозяйственные, общественные органы, находился под пристальным вниманием и руководством со стороны партийных комитетов всех уровней, начиная с первичных организаций. Ирина Альбертовна на большом фактическом материале раскрывает, как «партийные органы вмешивались в работу судов на всех этапах: контролировали прохождение отдельных категорий дел (особенно «кампанейских»), предписывали суду порядок разрешения конкретных споров, зачастую отмечая необходимость вынесения заранее определенных приговоров и решений» (С. 186). Иногда по принципу «колебался вместе с партией» партийные указания носили взаимоисключающий характер. Это видно на примере «Шахтинского дела» и следовавших за ним менявшихся установок. Особенностью изучаемого периода стало активное взаимодействие органов суда с контролирующим партийным органом – губернской (областной) контрольной комиссией с целью одновременной (партийной и судебной) ответственности членов и кандидатов в члены ВКП (б), а также комсомольцев (С. 200–201). Смеею заметить, что в последующие годы исключение из партии происходило, как правило, до вынесения приговора. Вместе с тем, в отличие от многих дел первой половины 1920-х гг., «сам по себе факт

членства в партии не создавал “поблажек” при рассмотрении судебного дела» (С. 201).

Во втором параграфе содержится характеристика взаимоотношений судов с различными государственными структурами. По отношению к советским органам, как указывает диссертант, «характер делового сотрудничества суда и других государственных органов иерархически различался: от подчинения по отношению к НКЮ РСФСР и исполнительным органам Советов, относительного равенства – с органами ОГПУ, прокуратуры (при постепенно усиливавшейся их позиции), инспекцией мест заключения, до процессуального контроля за уголовным розыском и милицией. Переписка судов города с государственными органами носила секретный характер» (С. 205). Советские органы также стремились выйти «за формальные пределы предоставленных «Положением о судеустройстве» полномочий, регулярно вмешиваясь в непосредственную деятельность судов Ленинграда и давая указания в отношении значимых для города категорий дел или конкретных судебных споров», но «Доклады руководства судебной системы города регулярно заслушивались в Ленгубисполкоме и Ленсовете» (С. 210–212). В роли учителя по отношению к суду стремилась выступать прокуратура. Ленинградские прокуроры И.А. Витоль и В.С. Брук (расстрелян 15.09.1938 г.) высказывались, что следовало «добиться того, чтобы суд выносил правильные приговоры» (С. 215). «Контакт с органами ОГПУ осуществлялся негласно и секретно, как правило, на уровне руководства губернского, окружного и областного судов» (С. 217). Поэтому понятно, что здесь корпус источников весьма ограничен и, во-вторых, многие документы до сих пор недоступны исследователям. В свою очередь, суды осуществляли «особый контроль за милицией и уголовным розыском», борясь с должностными преступлениями в этих органах, а областной суд предписывал народным судьям в отношении работников милиции и угрозыска «при вынесении приговоров» усиливать меры наказания (С. 226).

Диссертант делает вывод, что «преодолевая межведомственные конфликты, суд в исследуемом периоде продолжал оставаться в центре правоприменения. Вместе с тем, он все более утрачивал атрибуты сравнительно независимого статуса, присущего суду НЭПа, уступая первенство позиций прокуратуре и ОГПУ» (С. 231).

В Заключении подчеркивается, что «к концу исследуемого периода оформление основных структур судебной системы было завершено, создана долгосрочная модель суда, просуществовавшая на протяжении нескольких десятилетий», но одновременно в 1927 – 1932 гг. «элементы самостоятельности суда утрачивались» (С. 231–232). Самостоятельную ценность представляют два Приложения: «Социальный состав членов судебного корпуса Ленинграда. 1927 – 1932 гг.» (на 220 чел.) и «Биографические данные ленинградских судебных работников, подвергшихся репрессиям». При этом на 19 из 23-х человек даны подробные справки.

Подводя итог вышесказанному, следует сказать, что во всех затронутых сюжетах автор представленного труда стремится на основе большого массива фактических данных воссоздать объективную реальность того времени. Диссертация наталкивает на серьезные размышления о создававшейся в указанный период государственной системе. Во-первых, это отношение к суду со стороны высших реальных органов власти. Складывается впечатление, что в их представлении суд, конечно, был необходим в силу внутренних и международных факторов, но одновременно внимание к нему, к его функциям, к условиям его работы было достаточно ограничено. Можно сказать, что суд, как в прочем и прокуратура, представлялись второстепенными спицами в колесе государственного механизма. Достаточно заметить, что в изучаемый период председатель Верховного суда СССР А.Н. Винокуров был на приеме у Сталина лишь однажды 13 сентября 1932 г. вместе с П.П. Постышевым (секретарь ЦК ВКП (б)), И.А. Акуловым (первый зам. председателя ОГПУ), Г.Л. Пятаковым (зам. председателя ВСНХ) и С.В. Косиором (генеральный секретарь ЦК КП (б)У, член Политбюро ЦК ВКП (б)) с 17-20 до 18-

20, видимо, в связи с созданием 1 сентября комиссии под председательством И.А. Акулова, которой поручалось «рассмотреть конкретные инструкции по проведению в жизнь декрета ЦИК и СНК СССР об охране общественной собственности как по линии ОГПУ, так и по линии суда и прокуратуры». А Прокурор СССР П.А. Красиков 30 октября 1930 г. обращался к Сталину с просьбой о предоставлении «для ориентации Прокуратуры» материалов по делу Промпартии, ссылаясь на сообщение ТАСС о передаче дела в Верховный суд.

Таким образом, рассматриваемая диссертация представляет собой комплексное научное исследование важной научной проблемы, имеющей актуальное значение, выполненное в целом на основе большого комплекса источников. Вместе с тем, высоко оценивая работу в целом, нам представляется необходимым высказать ряд замечаний и пожеланий.

Во-первых, вызывает вопрос тезис, что «постановка партией цели социалистической реконструкции оказалась сложно совместима с императивом независимого суда как регулятора общественных отношений» (С. 27). Вопрос следующий: удалось, хотя бы сложно, совместить на том этапе политику партии с «императивом независимого суда» или это оказалось невозможно? И если суд оставался независимым, то в каких пределах? Говоря о деле в Чубаровом (Транспортном) переулке, следовало, на наш взгляд, отметить, что защита доказывала неправильность переквалификации дела в бандитизм и отсюда невозможность смертных приговоров. В последнем проявился политический, кампанейский характер процесса. А последнюю точку в приговоре поставила комиссия ПБ ЦК ВКП (б), заменившая двум преступникам расстрел тюремным заключением. Еще один вопрос, почему не удалось использовать протоколы партийных собраний сотрудников судебного аппарата данного периода, которые стали бы интересным источником для исследования?

По нашему мнению, также следовало обратить внимание на события осени 1929 г., затронувшие руководство Ленинградского городского суда. В первой половине 1928 г. по решению ЦК ВКП (б) в стране началась кампа-

ния критики и самокритики. Официально ее целью было искоренение бюрократизма. Критика разворачивалась в основном на страницах газет. Ряд журналистов приняли официальные лозунги всерьез. В этой ситуации 1 сентября 1929 г. «Правда», орган ЦК ВКП (б), дала подборку из пяти статей под общим заголовком «Направим действенную самокритику против извращений пролетарской линии партии, против конкретных проявлений правого уклона», с подзаголовком «Коммунары Ленинграда, смелее разворачивайте самокритику, бейте по конкретным проявлениям правого оппортунизма». 3 сентября «Ленинградская правда» опубликовала передовицу «Исправить ошибки» и перепечатала статью из «Правды» от 1 сентября «Важнейшее оружие рабочего класса в борьбе за социализм». Продолжала эту тему и «Правда». Достаточно сказать, что по 14 сентября газета возвращалась к положению в Ленинграде девять раз. Журнал «Чудак» (главный редактор М.Е. Кольцов) поместил резко критический материал «Семейный альбом. Ленинградская карусель», где были помещены фотографии ряда руководителей города. Журнал в том числе извещал читателей: «№ 3. Председатель Ленинградского областного суда т. Озолин сам покрывал уголовных преступников и предупреждал их по телефону о готовящихся обысках». Вся эта кампания вызвала резкое недовольство Сталина. Но ряд руководителей города были сняты с работы, отданы под суд. В ноябре 1929 г. Ленинградская Областная контрольная комиссия объявила Я.Г. Озолину выговор, в декабре 1929 г. он был освобожден от должности и короткое время работал начальником Отдела заказов на радиозаводе им. Коминтерна. Затем стал председателем Ленинградской областной арбитражной коллегии.

Хотя диссертация в целом написана хорошим литературным языком, к сожалению, не часто, но встречаются опiski и ошибки. Например: «Второму брату Ф.М. Нахимсона – Вениамину Федоровичу Нахимсону, служившему главным инженером 3-й Государственной электрической станции Петрограда, приписывается то, что по личной просьбе В.И. Ленина в ночь на 25 октября 1917 г. он перекрыл электроэнергию, оставив в разведенном состоя-

нии [курсив наш-В.И.] основные мосты города» (С. 75). Но разводка мостов была в интересах Временного правительства. Именно Военно-революционный комитет при Петроградском Совете требовал свести мосты, чтобы обеспечить свободный проход красногвардейцев и солдат в центр города.

Эти частные замечания и пожелания не могут изменить общей высокой оценки работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в восьми печатных работах, пять из них в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, и в своей совокупности они раскрывают все основные положения исследования. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Работа, представленная И.А. Воробьевой на соискание ученой степени кандидата исторических наук, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, согласно пунктам 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор, И.А. Воробьева, достойна присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент
Доктор ист. наук, профессор,
профессор кафедры истории и регионоведения
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет
телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»
30 марта 2024 г.

Контактные данные:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»
Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 61, литера А
Телефон: 89119410117
Электронный адрес: izmozik@mail.ru

В.С. Измозик

Подпись (-и) Измозика В.С. заверяю
заместитель начальника
административно-кадрового управления
И.А. Аксёнова 02.04.2024г.